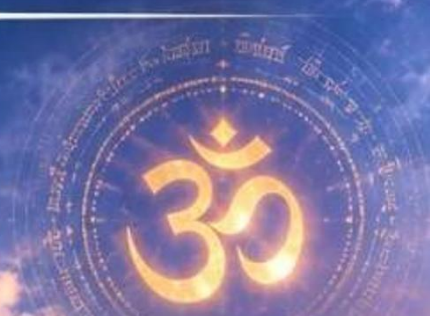
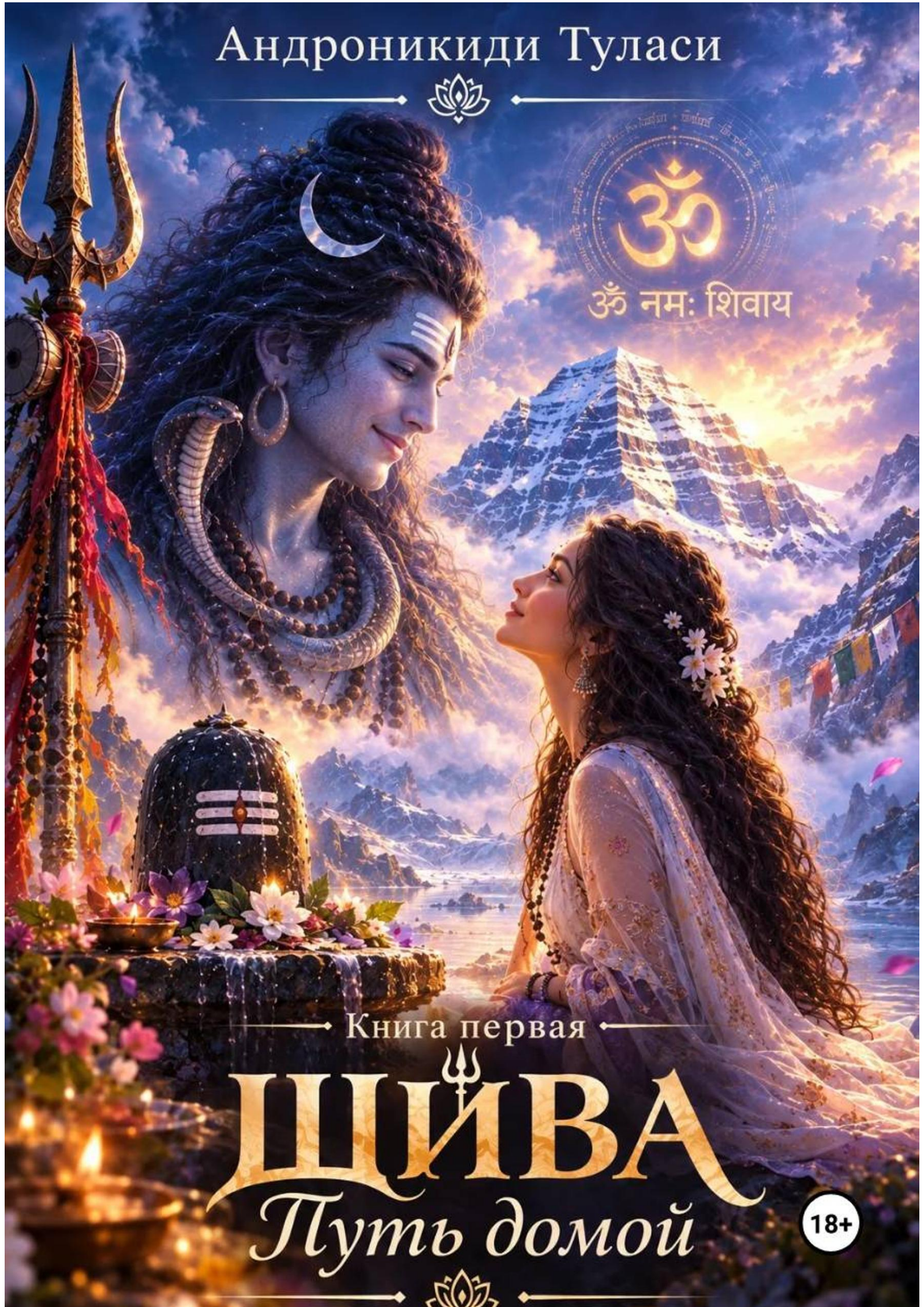

Андроникиди Туласи

ॐ नमः शिवाय

Книга первая

ШИВА

Путь домой

18+

Туласи Андроникиди

Шива. Путь домой. книга 1.

«Автор»

2026

Андроникиди Т.

Шива. Путь домой. книга 1. / Т. Андроникиди — «Автор», 2026

История о том, как любовь может стать и храмом, и тюрьмой. Туласи учится видеть правду за красивыми словами: её мужчина — как Шива: грозный, страстный, ранимый. Их отношения — испытание, где каждое «прости» либо лечит, либо калечит. Сквозь ссоры, грозу, метания пса Ханта и тихие наставления Богов героиня идёт к главному открытию: свобода важнее боли, а настоящая опора — внутри. Для тех, кто ищет в книгах не побег от реальности, а зеркало для своих чувств.

© Андроникиди Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Предисловие	6
Глава 1. Кришна	7
Глава 2. Шива	10
Глава 3. Ворон Какуль	12
Глава 4. Новый дом	14
Глава 5. Заложники Грома	16
Глава 6. Лео и Гром	18
Глава 7. Шивалингам	20
Глава 8. Рогатый	23
Глава 9. Безумный дед	26
Глава 10. Страх природы происходящего	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Туласи Андроникиди

Шива. Путь домой. книга 1.

Глава

Книга основана на реальных событиях. Все имена и фамилии изменены.

Истории, собранные на этих страницах, могут оказаться лишь иллюзией — или тонкой игрой ума, где грань между пережитым и придуманным стирается от одного неверного вдоха.

Предисловие

Однажды, в тот самый миг, когда тишина в доме стала громче любых криков, Бог Шива тихо сказал мне: «Пора уходить. Дальше от людей, выше в горы. Там, где ветер говорит с камнями, а не с судами, ты сможешь продолжить медитировать, лечить, следовать за своей мечтой. Там ты приблизишься к освобождению — к Мокше, к выходу из бесконечной череды перевоплощений на этой земле».

Так мы оказались в Лооустоуне — в узкой долине, зажатой между отвесными скалами, где воздух был настолько прозрачным, что казалось, будто дышишь не кислородом, а самой тишиной. Дома здесь лепились к склонам, как гнёзда горных птиц, а по ночам звёзды опускались так низко, что, казалось, можно было стряхнуть их в ладонь.

Некоторое время назад я провалилась в состояние Махакали. Это случилось на фоне бесконечных судов с бывшим мужем — бумажные битвы, где каждый лист был лезвием, а каждое слово — ударом. Я не смогла выйти из этой яростной формы. И теперь вхожу в неё всякий раз, когда вижу несправедливость.

Но это не обычная человеческая ярость — не всплеск эмоций, который стораёт за минуту. Это древняя, тяжёлая сила, выкованная годами аскезы и медитаций. Она не вспыхивает — она разливается, как лава, выжигая всё, что кажется неправым. Годы практики научили меня не просто чувствовать эту энергию, а осознавать себя в ней: я становилась не просто женщиной, охваченной гневом, а воплощением разрушающего начала, способного снести преграды, но и случайно задеть невинных.

Шива организовал этот переезд не ради уединения — он сделал это, чтобы защитить людей от меня. И чтобы дать мне шанс освободиться от этой формы Кали или, если освобождение пока невозможно, научиться её сдерживать. Чтобы ярость не становилась проклятием для тех, кто просто оказался рядом.

А теперь я расскажу всё с самого начала. С того дня, когда я впервые почувствовала, как внутри меня просыпается нечто большее, чем я сама. С того мига, когда поняла: сила — это не только дар, но и ответственность, которую никто не вручает с инструкцией.

Глава 1. Кришна

Шесть лет назад наш дом в Энгельсе казался островком уюта посреди шумного города — большой, двухэтажный, с просторными комнатами, где эхо детских голосов звучало как лучшая музыка. В нём жили мы: я, двое старших детей, которые уже ходили в школу, и младшая, только учившаяся делать первые неуверенные шаги. А ещё здесь жила моя мамка — она берегла наш быт, словно хрупкую драгоценность, и делала так, чтобы даже в самые тяжёлые дни в доме пахло свежей выпечкой и спокойствием.

Мой рабочий зал, где я лечила людей методами китайской медицины, вырос из старого гаража — мы перестроили его с любовью, вложив в каждый кирпич надежду на то, что здесь будет рождаться исцеление. Здесь пахло травами, нагретым деревом и тишиной, которая будто сама по себе была лекарством. Сюда приходили люди с болью, а уходили с лёгкой усталостью и надеждой. А я всё пыталась удержать ещё и свой собственный мир, который, казалось, рассыпался по швам.

2019 год подводил черту под моей третьей попыткой построить семейное счастье. К тому времени я уже знала эту горькую закономерность: стоило ребёнку исполниться полутора лет, как в воздухе начинала витать неизбежность разрыва. Каждый раз происходило что-то, что заставляло меня уходить. Третий брак повторил судьбу двух предыдущих, и к концу года я стала одинокой многодетной матерью. Но слово «одинокая» здесь звучало неправильно. Потому что у меня был Кришна. И с ним одиночество было невозможно.

Однажды во время медитации пространство передо мной начало меняться. Словно кто-то невидимый раскладывал передо мной карты — одну за другой, и каждая новая картинка поднималась всё выше, к самому небу, будто стремясь прорваться сквозь границы привычного мира. Когда эти образы достигли небесной синевы, из сине-фиолетовых облаков навстречу мне выплыла фигура. Существо немыслимой красоты, не то женщина, не то мужчина, с огромными лотосными глазами, полными древней мудрости и бесконечной нежности. Он стоял в позе лотоса и протягивал мне что-то светящееся — будто дар, предназначенный только мне. Так впервые ко мне пришёл Кришна. Он сам нашёл дорогу ко мне, сам выбрал этот миг, потому что для этого была важная, ещё не раскрытая причина.

Со временем эти видения стали приходить всё чаще. Я видела Раму с луком и стрелами, Кришну, но тогда я ничего не знала о них — не знала их имён, не понимала, кого вижу и зачем. Будто кто-то открывал передо мной двери в другой мир, а я стояла на пороге, не решаясь переступить, но и не в силах отвести взгляд. Позже я узнала, что Кришна всё подрассчитал заранее, зная, что мне понадобится помощь. Ещё до того, как войти в мою жизнь, он уже коснулся судьбы моей одноклассницы.

Как-то, листая ленту в соцсетях, я наткнулась на фотографии Кишори. Она была в сари, с тем особенным светом в глазах, который бывает у людей, нашедших свой путь. На её странице говорилось о фестивале, посвящённом Кришне, — они только что вернулись оттуда. Что-то внутри меня дрогнуло, и я тут же написала ей. Так Кишори стала моим проводником в этом новом, пока непонятном мире.

Мы сидели с ней в моём зале, пили чай, и воздух между нами был наполнен вопросами, которые я не решалась задать раньше.

— Кишори, кто такой Кришна с луком и стрелами? — спросила я, пытаясь облечь в слова ту странную красоту, которую видела в медитациях. — Я видела такого же прекрасного мужчину с лотосными глазами, как у Кришны, но он был с луком. Может быть, Кришна пытается меня о чём-то предупредить?

— Это Рама, — спокойно ответила она. — Он, как и Кришна, — аватар Нараяны.

— А кто такой Нараяна? — я цеплялась за каждое слово, словно за ниточку, которая могла вывести меня из лабиринта непонимания.

— Нараяна — это Бог. На земле воплощаются его частички, его аватары. Кришна, Рама, Будда и другие — все они проявления Нараяны, то есть Вишну.

— А Вишну — это кто?

— Вишну — это и есть Нараяна. Второе его имя, или даже более высокая форма его проявления.

— Почему я вижу этих аватаров? Почему они приходят ко мне в медитациях? — вопросы сыпались один за другим, и в каждом из них звучало отчаяние человека, которому приоткрыли дверь в другой мир, но не дали карты.

— Этого не знаю. Это знает только сам Бог Кришна, — ответила Кишори с мягкой улыбкой. — Знаю лишь, что Рама был великим правителем и воплощением праведности.

— А Кришна? Кто он такой?

— Кришна — это любовь, — прошептала она, и её лицо озарилось такой нежностью, будто само имя согревало её изнутри.

Так, по крупицам, через разговоры, медитации и случайные встречи, ко мне приходила эта странная, но такая необходимая правда.

А однажды, перед самым Новым годом, ко мне приехала сестра Калика. Был поздний вечер, за окнами стояла зимняя тьма, дороги покрылись льдом, а до её дома было сто пятьдесят километров — ехать в такую погоду было небезопасно, особенно ночью. Но она торопилась не домой, а ко мне, чтобы успеть подарить то, что лежало у неё на сердце.

Мы пили чай на кухне, и глаза Калики горели каким-то особенным огнём — будто она несла в себе маленькую тайну и наконец могла её раскрыть. Она протянула мне свёрток, аккуратно упакованный в красивую бумагу, похожий на картину или рамку для фото.

— Открывай! — воскликнула она, и на её лице читалось столько ожидания, что я невольно улыбнулась.

Я сняла упаковку и увидела картину: на ней юноша и девушка сидели на качелях, их лица светились тихой, чистой радостью, а улыбки были такими искренними, будто они знали какой-то важный секрет, доступный только им двоим.

— Кто это? — спросила я, чувствуя, как внутри что-то отзывается на этот образ.

— Это Кришна и Радха, — ответила Калика, глядя на меня с пониманием, которого я тогда не могла осознать.

В тот момент слёзы хлынули из моих глаз, словно прорвалась плотина давно забытой памяти. Мне было неловко плакать перед мамой и сестрой, я пыталась скрыть эти слёзы, спрятав их за неловкой улыбкой, но боль и узнавание были слишком сильными. Казалось, я действительно знала этих двоих — знала их задолго до того, как увидела на картине. Эта память вспыхнула и тут же снова ушла в глубину, оставив после себя лишь эхо.

— Я хотела, чтобы их образ был у тебя, — тихо сказала Калика. — Не знаю почему, но, выбирая подарок, я сразу подумала о них.

— Знаешь, я вижу Кришну в медитациях, — призналась я. — В последнее время он почти не покидает моих мыслей.

— Ну вот видишь, как я угадала! — её радость была такой светлой, что даже мои слёзы показались ей не горем, а хорошим знаком.

Прошёл год, и мне уже не нужно было объяснять, кто такой Кришна. Мои отношения с ним стали такими же простыми и естественными, как с любым близким человеком. Для меня он был озорным мальчишкой лет девяти-десяти — всегда рядом, всегда с той самой улыбкой, которая разгоняла любую тьму. И что самое удивительное, его видели не только я. Дети встречали его в коридорах дома, мамка разговаривала с ним, будто это был ещё один член нашей семьи. Он превратил нашу жизнь в праздник, наполнил её волшебством и светом, и я верила,

что это навсегда. Думала, что наша связь с Кришной скреплена чем-то большим, чем просто видениями, — какой-то важной причиной, которую я когда-нибудь пойму.

Но однажды Кришна пришёл прощаться.

«Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе.

Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе».

Глава 2. Шива

Я любила Кришну — этой любовью дышало всё во мне: каждый вдох, каждый шаг по дому, даже тишина в комнате становилась светлее, стоило лишь подумать о нём. Но к Шиве моё отношение было совсем иным — холодным, колючим, почти враждебным. Я не скрывала своего неприятия. Более того, я откровенно пренебрегала им, и в этом пренебрежении была своя логика, выстраданная годами размышлений.

Меня возмущал сам принцип его даров. В моём понимании это было почти несправедливо: любой демон мог совершить аскезу перед Шивой, годами истязать тело, стоять на одной ноге под палящим солнцем или в ледяных водах, и Шива, тронутый этой преданностью, ода-ривал просителя немислимыми благами. А потом эти самые блага оборачивались бедой для моего любимого Кришны, когда он воплощался на земле. Получалось, что Шива невольно создавал препятствия для той самой любви и праведности, которые я так берегла. И потому я сторонилась его, не хотела видеть в нём ничего, кроме этой пугающей щедрости, лишённой разбора.

Однажды, выйдя из медитации, я задержалась в своём рабочем зале — в том самом, где пахло сухими травами, нагретым деревом и тишиной, которая здесь казалась почти осязаемой. Пространство ещё хранило отголоски внутреннего путешествия, и я, не желая отпускать эту тонкую связь, обратилась к Кришне, будто он стоял прямо передо мной:

— Кришна, много лет назад, когда мне было лет шесть, я вдруг ощутила такую пронзительную любовь к кому-то, кто не был рождён на этой земле вместе со мной. Это чувство было настолько ясным, что казалось реальнее любого прикосновения. Позже, в юности, я часто ощущала кого-то в небесах — родного, близкого, того, кто наблюдал за мной и заботился, хотя он и не появился в этом мире одновременно со мной. Шли годы, я вышла замуж в первый раз, но даже простое обручальное кольцо на пальце становилось невыносимым. Было такое чувство, будто на этом же пальце уже есть другое кольцо — с тем, кто не рождён здесь.

Я провела ладонью по пустому пальцу, словно пытаюсь стереть это давнее ощущение, и продолжила,

— Я развелась, вышла замуж снова, но это чувство никуда не делось. Кольцо мужа по-прежнему не могло занять своё место, потому что там уже было другое. Так случилось и в третий раз. Всю мою жизнь меня сопровождает это знание: где-то есть тот, кто и есть мой муж, моя любовь, мой Бог — тот, кто не родился на земле вместе со мной. Кто он, Кришна? Скажи мне, пожалуйста, объясни...

Но Кришна молча стоял передо мной — не телесно, а в той особой ясности, которая приходит в минуты глубокой тишины. Он не отвечал, и от этого молчания становилось ещё тревожнее, будто сама вселенная затаила дыхание.

В тот самый миг, пока я говорила, обращаясь к нему, у меня вдруг разболелся зуб — резкая, пульсирующая боль пронзила челюсть, отдаваясь в висок. Я машинально коснулась щеки двумя пальцами, привычно подавая холод, как это делают в китайской медицине, чтобы немного унять боль. И в этот момент, когда мои пальцы едва касались кожи, пространство в зале словно дрогнуло, как поверхность воды от брошенного камня.

Передо мной стоял Шива.

Он улыбался — широко, искренне, обнажая красивые, ослепительно белые зубы. В его глазах была не суровость, которую я привыкла ему приписывать, а тёплая, глубокая любовь, от которой становилось не по себе. Он смотрел на меня так, будто знал обо мне всё — даже то, что я сама старалась забыть.

— Скоро ты будешь в мире, в котором нет боли, — тихо произнёс он.

Я с недоверием скользнула по нему взглядом, будто пытаюсь найти подвох в этой улыбке. Мне хотелось сделать вид, что я не услышала, что это просто игра уставшего сознания, обман света. Я отвернулась, снова обращаясь к Кришне:

— Кришна, сегодня я случайно увидела в интернете, что у Махакалы какой-то праздник. Там было его фото, и знаешь... я почувствовала какую-то линию между мной и ним. Она была странной — будто сплетённой из боли и любви. Я не могу объяснить, почему, увидев Махакалу, я вдруг почувствовала такую острую тоску, такую боль, но вместе с ней — и невероятную любовь. Осознав это, я прошу тебя: передай ему мои благословения и моё тепло. Я так многое не могу объяснить в своей жизни... Ты всегда давал мне ответы, но сегодня ты молчишь. Почему? Скажи хоть слово...

И тогда Кришна заговорил. Его голос звучал негромко, но в нём была такая твёрдость, что каждое слово падало, как камень в спокойную воду:

— Туласи, пришло время нам прощаться. Ты доверяешь мне? Веришь? Тогда послушай и сделай так, как я прошу. Дальше ты пойдёшь с Шивой — до конца. Так нужно для твоего духовного роста. До конца жизни, поняла, Туласи? Ты пойдёшь с Шивой!

— Нет! Нет, Кришна! — крик сорвался с моих губ, резкий и отчаянный, будто я пыталась криком удержать его рядом. — Как же так? Нет, прошу тебя, не уходи! Я не знаю этого Шиву, не хочу его знать! Кришна... Кришна...

Слезы хлынули из глаз, горячие и горькие, размывая очертания комнаты, превращая всё вокруг в дрожащие пятна света и тени. Я кричала, плакала, цеплялась за воздух, словно он мог удержать то, что ускользало.

— Запомни! С Шивой иди до конца жизни! — повторил он, и его фигура начала растворяться в воздухе, становясь всё прозрачнее, пока не исчезла совсем.

А моё сердце разорвалось на тысячи маленьких осколков, и каждый из них звенел от боли и непонимания. В комнате повисла тишина — тяжёлая, густая, наполненная эхом его последних слов. Я стояла, прижимая ладони к лицу, и пыталась осознать, что только что закончилась целая эпоха моей жизни. Эпоха, где главным светом был Кришна. А впереди ждала неизвестность, которую теперь предстояло пройти рука об руку с тем, кого я так долго не хотела замечать.

Глава 3. Ворон Какуль

— Кар-кар-кар! — резко, будто рубя воздух, выкрикнул Какуль, и этот звук, привычный до боли, вдруг прозвучал как-то иначе — не как жалоба, а как вызов.

Я смотрела на него из окна своего рабочего зала. За стеклом был прохладный осенний день, небо было серым, плотным, словно прижатым к земле, а во дворе, в нашем самодельном вольере, ворон расхаживал с видом хозяина, хотя и оставался пленником собственных крыльев.

История Какуля начиналась с беды. Некоторое время назад он каким-то немыслимым образом угодил в мазут — то ли на заброшенной стройке, то ли у старой заправки, никто толком не знал. Добрые люди заметили его, беспомощного и липкого, вытащили, отнесли к ветеринару. Тот, осмотрев птицу, ощипал слипшиеся перья и вынес приговор: летать Какуль больше не сможет. Его крылья, покрытые смолистой коркой, потеряли лёгкость, а мышцы, казалось, забыли само ощущение полёта. Волонтёры искали ему дом — не для свободы, а для спокойной жизни, где не нужно будет бороться с небом. И мы, не раздумывая, решили: пусть будет с нами. Соорудили вольер во дворе, приносили ему тёплую воду, вычёсывали остатки мазута, шептали глупые ободряющие слова, будто птицы понимают человеческую нежность.

К холодам оперение Какуля восстановилось — он снова выглядел как настоящий ворон: блестящий, строгий, с гордой посадкой головы. Но крылья по-прежнему оставались мёртвым грузом. Я пыталась помочь. Выносила его из вольера, привязывала к ножке тонкую верёвочку — не чтобы удержать, а чтобы уберечь: без неё он в панике убегал, метался по двору, царапал клювом доски, мог повредить себя ещё сильнее. Я подкидывала его вверх, надеясь, что инстинкт возьмёт своё, что воздух подхватит его, как когда-то в детстве. Но каждый раз он камнем падал вниз, и мне приходилось ловить его, прижимать к груди, чувствуя, как бешено колотится его сердце — так, будто оно хотело вырваться не из груди, а из самой судьбы.

— Какуль, лети! Ну лети же, птица! Что не даёт тебе взмыть? Страх? Просто сделай это! — шептала я, но слова звучали жалко, как мольба, обращённая не к птице, а к самой себе.

В то утро всё шло как обычно. Я стояла у окна, машинально растирая точку между бровями — привычка, оставшаяся от долгих сеансов иглорефлексотерапии, когда тишина в теле важнее тишины в комнате. Из-за угла дома вышел Ник, мой сын, с лопатой в руках. Он шёл к вольеру, чтобы почистить его от старой, засохшей еды, от крошек, которые мы бросали Какулю, и от следов бесчисленных попыток жить, как раньше.

Ник открыл дверцу, пригнулся, чтобы налить свежей воды в поилку, и в этот миг, когда его плечи заслонили прутья решётки, Какуль скользнул мимо него — не бегом, не прыжком, а именно скольжением, будто его подхватил невидимый поток. Он взмахнул крыльями, неуверенно, отчаянно, и вдруг... полетел. Не высоко, не плавно, но по-настоящему — крылья били по воздуху, перья ловили свет, и он, преодолев не только гравитацию, но и собственный ужас, взмыл в серое небо и скрылся за краем крыши, а потом и за линией горизонта.

— Какуль! Бабуля! Бабуля, Какуль — он смог! Он улетел! Ма-а-ам! Ма-а-ам! — голос Ника звенел от восторга, он подпрыгивал на месте, размахивал лопатой, будто это был флаг победы, и не мог поверить в то, что только что увидел.

Я открыла окно. Холодный воздух ворвался внутрь, смешивая запахи осени, мокрого дерева и свободы.

— Я всё видела. Он молодец! — сказала я, стараясь говорить спокойно, но голос дрожал, выдавая ту странную смесь гордости и тихой грусти, которая приходит, когда кто-то, кого ты долго держал рядом, наконец уходит туда, где ему место.

— Ты видела?! Я только открыл дверь, наклонился, а он — раз! — и улетел! — повторял Ник, всё ещё не в силах уложить это чудо в простую цепочку событий.

Мы стояли, задрав головы, всматриваясь в небо, где уже не было ни следа от чёрной птицы. Только облака плыли, равнодушные и величественные, как будто ничего особенного не случилось. Но мы-то знали: случилось.

И всё это было неспроста. Какуль удерживал меня здесь, в этом городе, в этом доме, как якорь, который не давал сорваться с места, даже когда ветер перемен дул слишком сильно. Его неспособность летать стала моей причиной оставаться: я не могла уехать, зная, что переезд станет для него приговором.хлопоты о нём, заботы, эти ежедневные попытки дать ему небо — всё это было моей тихой отговоркой, чтобы не слышать того, что звучало всё громче.

А голос Махакалы — яростной, грозной формы Шивы — в последнее время звучал в моей голове почти непрерывно, перекрывая даже шум дождя и скрип половиц:

— Уезжай отсюда! Срочно! Уезжай! — гремел он, и в этих словах не было ни гнева, ни наказания — только необходимость, жёсткая и неотвратимая, как закон природы.

Но я не двигалась с места. Не потому, что не верила, а потому, что не могла бросить того, кто зависел от меня.

Те проблемы, которые принёс в наш дом мой первый супруг, спустя двенадцать лет вновь дали о себе знать: он подал иски на моих родителей, и старые раны раскрылись, как трещины в пересохшей земле. Эта несправедливость пробудила во мне энергию Махакали — я входила в эту форму ярости, как в бурю: она захватывала меня целиком, и я не могла выйти из неё, не могла найти дверь обратно к спокойствию. Мой ум и сердце понимали: нельзя жить в этом огне постоянно, он сожжёт всё вокруг. Шива искал способ помочь мне, искал путь, который не разрушит, а исцелит. И одним из решений был переезд — не бегство, а трансформация, смена ландшафта, чтобы и земля, и небо помогали утешить бурю внутри.

Но теперь Какуль улетел. Он сам преодолел свой страх, сам нашёл в себе силу подняться над тем, что тянуло его вниз. И этим полётом он освободил не только себя, но и меня. Больше ничто не держало нас в этом городе. Ни долг, ни жалость, ни привычка.

Я стояла у открытого окна, смотрела в небо, где уже не было Какуля, и чувствовала, как внутри что-то тихо щёлкнуло — как замок, который наконец поддался после долгих попыток. Путь был открыт.

Глава 4. Новый дом

Городская жизнь осталась позади, словно сброшенная старая кожа — тяжёлая, пропитанная шумом, чужими ожиданиями и вечной спешкой. Мы переехали в горный Лооустоун и поселились на самой макушке горы, где воздух был таким чистым, что казалось, будто дышишь не кислородом, а самой тишиной. Вокруг расстилались пейзажи, от которых замирало сердце: крутые склоны, тёмные леса, уходящие вдаль, и небо, такое близкое, что, казалось, можно дотянуться до него рукой.

Просыпаясь рано утром, я стояла у окна и смотрела, как земля выдыхает в небо лёгкий пар — будто сама природа делала первый, осторожный вдох нового дня. Ближайшие соседи жили не ближе чем в ста метрах, и эта дистанция была для меня драгоценной. Одиночество и тишина — вот о чём я мечтала. Жить вдали от людей и суеты. Жить в тишине, где слышно, как растёт трава и как ветер шепчет с камнями.

Но новый дом встретил нас не гостеприимством, а суровой правдой: голые стены, огромные щели, сквозь которые тянуло ледяным дыханием гор, и дикий холод, который пробирался под одежду, в кости, в самые мысли. В первые дни мы торопились хоть как-то удержать тепло, цепляясь за любую возможность не дать холоду победить. Купили рулон подложки для ламината и набили её степлером по всем стенам — неровно, кое-как, но это помогло удерживать температуру чуть выше тринадцати градусов. Постепенно мы привыкли к холоду, перестали ощущать его как врага, научились жить с ним, как с неизбежным соседом.

В туалетной комнате вместо двери висело покрывало — оно колыхалось от сквозняков, будто живое. На пол мы расстелили паласы, одеяла, всё, что могло хоть немного удержать тепло. Дом был не уютным гнёздышком, а полем битвы за комфорт, и мы сражались на нём каждый день, не жалуясь, потому что знали: это временное.

Холод в доме был терпимым по сравнению с февральским ветром. Он не просто дул — он ревел, свистел, завывал, словно пытался сорвать крышу и унести нас прочь. Каждую ночь я лежала без сна, прислушиваясь к этому вою, и чувствовала, как внутри всё сжимается от страха: а вдруг сегодня ветер окажется сильнее нас? Вдруг он просто поднимет наш дом и унесёт его, как сухую травинку?

Двор был заросшим высокой, сухой травой — она стояла стеной, жёсткой и колючей, и каждый шаг по ней отзывался шорохом, похожим на шёпот упрёка. За двором паслись на вольном выгуле коровы и лошади, и я всё время мысленно ворчала на предыдущего хозяина: зачем он закрывал ворота? Животные могли бы съесть эту траву до нашего переезда, и нам не пришлось бы теперь бороться с этим сухим морем. Мы протоптали от дома к воротам узкую тропинку, и я знала: весь год мы будем месить здесь жидкую глину, и самой ходовой обувью станут резиновые сапоги — тяжёлые, надёжные, спасающие от грязи и холода.

Рядом с домом, почти со всех сторон, зеленели поляны, и на одной из них стоял красивый вороной конь. Его хозяин привязывал его на длинную верёвку, и весь день жеребец щипал траву, медленно, размеренно, будто выполнял важную работу. Я смотрела на него и вдруг поняла: вот он, наш спаситель. Пусть он зайдёт к нам во двор и, словно живая газонокосилка, съест всю эту высокую, неудобную траву.

Я написала свой номер телефона на листке бумаги, аккуратно сложила его и пошла к коню. Чем ближе я подходила, тем сильнее билось сердце. Конь настороженно поглядывал на меня, поводя ушами, будто решал: бежать или остаться. Мне было страшно, но я упрямо шла вперёд, потому что знала: иногда нужно сделать шаг навстречу страху, чтобы получить то, что нужно.

Найдя узел верёвки, которая крепилась к металлическому штырю, я осторожно вложила туда своё рукописное послание. И уже тем же вечером зазвонил телефон.

— Алло! — услышала я на том конце трубки незнакомый мужской голос. Он звучал немного застенчиво, будто сам удивлялся, что решился позвонить. — Здесь ваш номер в записке, около коня я нашёл!

— О, как я рада, что вы набрали меня! Могу ли я к вам подойти сейчас? У меня есть к вам предложение! — ответила я, одновременно показывая мамке жестаами, что звонит хозяин лошади.

— Я рядом с вашим домом, выходите, сейчас подойду к воротам!

— Хорошо, всё, я иду! — торопливо ответила я, чувствуя, как внутри поднимается волна надежды.

Быстро накинув куртку и натянув сапоги, я выскочила во двор. Вокруг стояла крошечная темнота — такая густая, что казалось, её можно потрогать руками. Было немного жутковато, но любопытство и решимость гнали вперёд. Слева из-за поворота поднимался мужчина с налобным фонариком; луч света прыгал по земле, выхватывая из темноты кочки, камни и стебли сухой травы.

Он подошёл к нашим воротам и хриплым, немного простуженным голосом сказал:

— Добрый вечер! Вы купили здесь дом?

— Да, мы пару дней как живём тут. У нас, видите, трава какая высокая? Нам её косить нечем. Я увидела вашего жеребчика и подумала, что ему эта трава нужнее. Может, вы завтра заведёте его к нам во двор? Пусть он её съест? — рассказала я свою идею, стараясь говорить уверенно, хотя внутри всё ещё дрожало от волнения.

— Как вас звать? — спросил он.

— Туласи. А вас?

— Меня Лео. Очень приятно. Я, конечно, его заведу завтра, но не думаю, что вам это понравится.

— О, нам понравится, не переживайте! — воскликнула я, не скрывая радости.

— Тогда договорились! — сказал он и стал закрывать нашу большую воротину с уличной стороны.

— Ура! — вслух радовалась я, предвкушая, как конь, словно волшебная газонокосилка, очистит наш участок от зарослей.

Радостно я шагнула на порог, а дома все ждали новостей.

— Ну что, он поставит завтра в нашем дворе своего коня? — спросила мамка, глядя на меня с надеждой.

— Да! Мы договорились! — ответила я, и в этом простом «договорились» звучало столько облегчения и радости, будто мы только что решили одну из главных проблем нашего нового дома.

Глава 5. Заложники Грома

Утром, едва приоткрыв входную дверь, чтобы впустить в дом прохладу нового дня, мы замерли на пороге. Во дворе, прямо посреди участка, стоял чёрный вороной конь — величественный и в то же время пугающе непредсказуемый. Едва заметив нас, он вскинул голову, грозно подкидывая задние ноги, будто бросая вызов самому воздуху вокруг. Земля дрогнула под его копытами, а в этом резком, нервном движении читалась не злоба, а паника — он сам был не рад оказаться в чужом дворе, среди незнакомых людей.

— А-ааа! — резко вскрикнула я, и мы со старшим сыном, не сговариваясь, метнулись обратно в дом, будто за этой деревянной дверью пряталась невидимая защита.

— Вы чего? — удивлённо спросила Мангалика, которая как раз разливала по чашкам горячий чай; пар поднимался над кружками, смешиваясь с утренним светом, и вся эта бытовая картина казалась теперь какой-то нелепой, почти абсурдной рядом с тем, что творилось за порогом.

— Там конь во дворе! Как мы к машине подойдём? Он видит нас — и сразу начинает метаться, бегать по двору! Я его боюсь! — выпалила я, прижимая ладони к груди, словно так можно было унять бешено колотящееся сердце.

— Я его тоже боюсь! — тихо, но твёрдо добавил Ник, стоя рядом и вжимая голову в плечи, будто надеялся стать меньше и незаметнее.

— Как-то никто не подумал об этом обстоятельстве... — пробормотала я, ходя по кухне и невольно задавая вопрос самой себе вслух: — Как теперь Еситу в школу вести? До машины-то мы, может, и добежим, а вот открыть ворота... Кто это сделает, если он тут носится, как гроза по небу?

Так в тот день средняя дочь не пошла в школу. Мы оказались заложниками собственного плана, пленниками той самой «волшебной газонокосилки», которая теперь казалась не решением, а новой бедой. Добраться до машины у нас с Ником всё же получилось — мы выжидали, когда конь забежит за противоположный угол дома, и в тот самый миг, пока его не было видно, выскочили, пригнувшись, будто под обстрелом. А потом, едва захлопнув дверцы, снова выждали, и, как только он скрылся из виду, рванули обратно к крыльцу и нырнули в дом.

Весь день мы были заперты в собственном доме — но не в тягостном заточении, а в каком-то странном, почти уютном укрытии. Мы открывали окна, вдыхая дивный горный воздух, напоённый запахом хвои, влажной земли и едва уловимой горечью первых весенних трав. И сквозь рамы наблюдали, как коняшка, понемногу успокоившись, щиплет травку в нашем дворе. Он уже не метался, а бродил медленно, осторожно, будто и сам пытался привыкнуть к этому месту. Его чёрные перья отливали тёмно-синим в лучах солнца, а каждое движение было одновременно грациозным и неуклюжим — словно он всё ещё не верил, что здесь можно просто есть траву и не ждать опасности.

А вечером, когда небо окрасилось в глубокие фиолетовые и розовые тона, после работы пришёл Лео. Он уверенно подошёл к коню, тихо позвал его каким-то своим, особым словом, вывел со двора и повёл к сараю. И в этот момент мы впервые за день вышли на улицу — в прохладный мартовский вечер, когда воздух был таким прозрачным, что казалось, можно разглядеть каждую пылинку, плывущую в последних лучах заката.

Мы стояли у порога, чувствуя, как свобода медленно, но верно возвращается в наши дни, и пили горячий чай, смакуя каждый глоток, будто он был приправлен облегчением.

— М-да... Может, косилку купим, чем вот так сидеть дома? — негромко сказала мама, глядя куда-то вдаль, туда, где исчезали последние отсветы дня.

— Думаю, купим! — ответила я, глядя на неё и улыбаясь. В этой улыбке было и облегчение, и тихая ирония над нашими утренними страхами, и благодарность за то, что день всё-таки закончился спокойно.

Но все эти обстоятельства — высокая сухая трава, чёрный конь, который метался по двору, сосед-хозяин этого коня — всё это сплеталось в одну причудливую нить, будто было создано не случайно, а ради одной интересной истории, которой ещё только предстояло раз-вернуться.

Глава 6. Лео и Гром

Мы были новыми жильцами этой улицы — чужаками, пусть и не враждебными, а просто ещё не вписанными в местный узор жизни. Вокруг было мало домов: в общей сложности, может, восемь, а может, десять дворов по округе. Наш дом стоял на самом верху, и с двух сторон мимо него проходила дорога, по которой все двигались на своих машинах, поднимаясь и спускаясь по серпантину, будто по жилам этого горного края.

Здесь всё было иначе, не как в холодном душой городе, где приветствие — редкость, а взгляд прохожего — случайность. Тут люди улыбались, все здоровались, интересовались, как мы устроились, откуда приехали, что думаем о здешних местах. Мы ещё не привыкли к такой открытости, к этому почти родственному вниманию, от которого поначалу становилось неловко, будто ты стоишь в чужой кухне без приглашения. Тем не менее каждый день мы выходили за порог — и тут же попадали в этот бесконечный обмен поклонами. Все проезжали мимо нас, и голова только и успевала кланяться в ответ, а губы привычно шептали: «Здравствуйте!»

Я ходила по району нарочито неприметно, словно пряталась в собственной одежде. Голубая куртка, рваная на рукаве, чёрные лосины, сапоги, шапка вишнёвого цвета — и всегда ненакрашенная. Я знала, что такое быть красивой, знала, как это может работать и как может ранить. Знала, как не любят красивых одиноких женщин — не из злобы, а из какой-то инстинктивной настороженности, будто красота — это уже заявление, которое не все готовы услышать. Поэтому я и ходила как чушок, прячась за небрежностью, будто так можно было стать невидимкой и просто спокойно жить.

Сосед-рыбак, тот самый, кто был хозяином вороного коня Грома, каждое утро поднимался со своей охотничьей собакой с нижней улицы. Он выводил Грома и привязывал его на соседнем участке, будто отдавая дань какому-то неписаному распорядку дня. Мы здоровались, а потом, бывало, останавливались у моего забора, чтобы перекинуться парой фраз.

Лео всегда казался немного грустным, будто носил в себе целую галерею невысказанных историй. За натянутой улыбкой пряталась глубокая, незажившая рана — а может, и не одна. Одетый в рабочую робу защитного, военного окраса, он всегда пах рыбой и морем, этим особенным запахом соли, ветра и тяжёлого труда, который въедается в ткань, в кожу, в самую походку. Лео стал моим первым знакомым на районе, и в этом было что-то утешительное: будто, зная его, я понемногу начинала узнавать и эти горы, и эту землю.

Вечерами я ждала его, высматривая в окнах, когда он поднимется к коню. Мне нужны были не только ответы на бытовые вопросы — где почта, где купить то или другое, номер электрика, сантехника, кондиционерщика. Мне хотелось подольше побыть рядом с ним, поймать в его коротких фразах что-то большее, чем просто слова. Каждый раз, когда он появлялся, я будто собирала по крупицам его мир: как он говорит, как смотрит, как прячет усталость за привычным «всё нормально».

Лео работал на море, на «шестьдесят шестой» марке машины: поднимал катера, тянул сети, вылавливал рыбу. Потом они сортировали улов и сами же продавали его на местном рынке. Излишками он стал делиться с нами. То принесёт форели, то барабули, то какой-нибудь редкой мелкой рыбы, которую я раньше и не видела. И вот однажды вечером он позвонил на мой телефон и срочно попросил выйти во двор.

Было темно. В нашем дворе ещё не провели освещение, и ночь лежала на земле плотным покрывалом, скрадывая очертания забора, кустов, тропинки. Я шла по слякоти, чавкая грязью, и единственным ориентиром был его налобный фонарь — яркое жёлтое пятно, плывущее в темноте, будто маленький заблудившийся светлячок.

— На! Попробуйте! Это деликатес! — протянул он мне трёхлитровый баллон, внутри которого что-то тёмно-коричневое, густое, почти живое, перекатывалось при каждом движении.

— Что это? Как готовить это? — спросила я, чувствуя, как любопытство борется с лёгкой тревогой.

— Это печень ската. В интернете посмотри, там есть рецепты, — улыбнулся он, и в свете фонаря его глаза казались особенно яркими, жёлтыми, как у волка, будто в них отражался сам ночной свет.

— Хорошо, спасибо, — сказала я, прижимая банку к себе, как что-то ценное, и помчалась домой, чтобы показать домашним эту диковинку.

Ох, и намучилась я с этим деликатесом. Сколько ни старалась, приготовить из печени ската что-то по-настоящему вкусное у меня так и не вышло. У неё был очень сильный, въедливый запах — такой, будто в нём смешалась сама глубина моря и что-то давно забытое, почти запретное. И этот запах ни при какой обработке никуда не девался: он пропитывал кухню, оседал на стенах, цеплялся за одежду. Дом провонял им насквозь, и дети, проходя мимо, морщились и старались дышать через раз, а уж о том, чтобы попробовать, — и речи не шло. Они с опаской поглядывали на кастрюлю, будто ожидали, что оттуда вот-вот вылезет что-то незнакомое и живое. В общем, из этого ничего у меня не вышло, но даже эта неудача почему-то не казалась провалом. Скорее, ещё одной маленькой историей, которая теперь принадлежала нашему дому.

Мне было любопытно попробовать новые, неизвестные виды рыб, о которых рассказывал Лео. Но ещё больше меня тянуло к тому, что пряталось у него внутри. То, что он так старательно скрывал глубоко в себе, я хотела узнать. Не вытрясти, не выпросить, а просто однажды увидеть, как он сам чуть приоткроет эту дверь и позволит заглянуть внутрь.

Каждый день я время от времени поглядывала в окно, высматривая, пришёл он или нет. Смотрела, поставил ли он коня, ведёт ли его из сарая, кормит ли, поправляет ли упряжь. Наблюдала, как он движется рядом с Громом — спокойно, уверенно, будто между ними есть какой-то свой, молчаливый договор.

Гром был конём с характером. Стоило ему выйти из сарая — и он тут же срывался в галоп, нёсся по улице, подпрыгивал, будто хотел достать копытами до неба. Мы всей семьёй прилипали к окну, замороженные этой вспышкой энергии, этим чистым, необузданным движением. Даже мамка увлеклась этой картиной: стояла рядом, шурилась, улыбалась и тихонько говорила: «Ну и красавец же, господи...»

Нам нравилось в течение дня смотреть на вороного, игривого коня: как он падает на спину и чешет её о землю, будто сбрасывает с себя что-то лишнее; как настороженно косит глазом на других лошадей, которые гуляли по району; как вдруг замирает, прислушиваясь к ветру, будто слышит в нём чей-то далёкий зов. Природа этого района, жизнь Грома и Лео постепенно становились частью нашей жизни — не фоном, а чем-то важным, почти родным, тем, что помогало нам чувствовать: мы здесь не чужие.

Глава 7. Шивалингам

Наш дом стоял на горе — словно на краю мира, отгороженный от суеты расстоянием и высотой. Чтобы попасть в город, нужно было спуститься вниз метров на восемьсот. И стоило преодолеть этот путь, как ты оказывался в самой гуще человеческой жизни: шумные рынки, аптеки, магазины, гул голосов, запахи жарящегося шашлыка, смешанные с автомобильными выхлопами. Пешком вниз идти было легко — но подниматься обратно с тяжёлыми пакетами, набитыми продуктами, оказалось совсем непросто. В первые дни мы, запыхавшись, останавливались через каждые двадцать шагов, хватая воздух ртом, будто он вдруг стал густым и тяжёлым. Со временем дыхание выровнялось, ноги привыкли, и подъём уже не казался испытанием — он стал частью ритма нашей новой жизни.

Но, честно говоря, в город я не стремилась. Меня куда больше умиляли виды из окна и со двора: крутые склоны, тёмные леса, уходящие вдаль, и туман, который по утрам переваливал через хребет, медленно приближался к окнам и застилал всё вокруг своей густой белой пеленой. Мы стояли у стекла, всматривались в эту молочную завесу, пытались разглядеть очертания соседних домов, и чувствовали себя будто на острове, отрезанном от остального мира.

Город лежал внизу, как на ладони: видны были все улицы, все машины, ползущие по дорогам, и даже пешеходы. А если взять бинокль, можно было разглядеть, как дочка идёт в школу или возвращается из неё — маленькая фигурка среди других, но для нас самая важная. Ночью Луна поднималась из-за хребта, неторопливо переваливала за бугор, а потом её сменяло солнце. Ранним утром, выходя на улицу, можно было собрать в ладони росу — холодную, прозрачную, пахнущую травой и свежестью, — и напиться прямо с ладоней. Трава лежала мокрая, будто после дождя, хотя дождя не было: это просто земля отдавала ночной холод в виде росы. Холодный вечерний воздух сменял жарко палящий день, а зелень, дикий лес вокруг со своими обитателями — всё это теперь стало нашей жизнью.

И мы называли это место Кайлас. Не всерьёз, конечно, а с лёгкой улыбкой, как будто играя в свою маленькую легенду. Нам нравилось думать, что мы живём на Кайласе — там, где обитель Шивы. Шутили, что вся эта местность — подобие священной горы, не хватает только Шивалингама, не хватает самого Шивы. И однажды эта шутка перестала быть просто шуткой.

Я определилась с местом, где будет стоять Шивалингам. Оно само просилось об этом: небольшая ровная площадка чуть в стороне от дома, откуда открывался вид на долину, а ветер, гулявший по склону, будто очищал пространство вокруг. Мы приступили к строительству. Месили местную глину, замешивали её с сухой травой — она придавала смеси цепкость, не давала ей рассыпаться. Работали сквозь весенний холод и сильный ветер, который забирался под куртки, щипал щёки и пытался сбить с ритма.

В ходе работы стали замечать удивительные вещи. Вода, в которой мы замачивали глину, была очень холодной — такой, что от одного взгляда на неё пальцы начинали ныть. Но стоило опустить руки в эту воду, как она вдруг становилась тёплой. Сначала мы думали, что это обман чувств, игра уставшего тела. Но потом стали экспериментировать: я и дочка Есита вновь и вновь наливали более холодную воду, почти ледяную, и каждый раз, опуская руки, ощущали, что она тёплая. Это было странно, необъяснимо, но совершенно реально.

Однажды, проводя ладонью по сырой глине, я вдруг почувствовала, что касаюсь не просто материала, а чего-то живого. В голове мелькнула мысль: «Я касаюсь своего мужа». Она пришла так внезапно, что я замерла, осеклась, задумалась, пытаюсь поймать ускользающий смысл. Потом встряхнула головой, отогнала эту мысль и продолжила лепить, замешивать, придавать форму.

Ползала на коленях, задавая очертания Шивалингаму, а сын снимал нас на видео. Он комментировал запись, не скрывая скепсиса:

— По факту сейчас мы видим размазню! — сказал он, водя камерой по неровной массе глины.

— Ты видишь размазню, а я — основание Шивалингама, — ответила я, не отрываясь от работы. — Так и в жизни: одни в говне видят говно, а другие — удобрение.

— Хм! Мама, ты всегда знаешь, как одной фразой закинуть меня на лопатки. Я запомню это твоё учение! — рассмеялся он, и в этом смехе было и признание, и уважение, и что-то ещё, тёплое, семейное.

Вся семья старалась, каждый приложил руку к строительству Шивалингама: кто-то месил глину, кто-то приносил воду, кто-то держал ткань, чтобы защитить ещё сырую поверхность от ветра. Но одного дня не хватило. Нужно было подождать, пока он подсохнет, чтобы нанести гидроизоляцию. Да и форма ещё не была доведена до конца.

После дневного труда ночью я проснулась от пения мантр — они звучали прямо в моей голове, громко, отчётливо, будто кто-то включил невидимую запись на полную громкость. Я была уже полностью пробудившейся, но музыка не прекращалась. Лунный свет заливал комнату, и на стене лежала тень — огромная, чёткая, похожая на силуэт Шивалингама. Я хотела сфотографировать её, но мой телефон не поддерживал функцию ночной съёмки. Тогда я пошла в соседнюю комнату, разбудила мамку, привела её в свою спальню и, показывая на тень, спросила:

— Что ты видишь?

— Тень Шивалингама, — спокойно ответила она, будто в этом не было ничего странного.

— Я не могу уснуть. В моей голове звучат мантры, и я не могу заставить их замолчать. Что это всё значит? Я ещё ничего не знаю о Шиве. Совсем недавно Кришна велел мне идти с Шивой до конца, сказав, что так лучше для моего духовного роста. Для тени нужен предмет... Как появилась эта тень, если Шивалингама ещё нет? Отчего она? — спрашивала я, и голос мой дрожал от смеси тревоги и любопытства.

Мангалика только пожала плечами. Мантры продолжали звучать, не давая мне сомкнуть глаз, и я просто сидела и созерцала рассвет, позволяя ему медленно стирать тени со стен.

Пока Шивалингам сох, мы не могли продолжить работу над формой. Ждали, да и, честно говоря, было лень. На улице по-прежнему было слишком холодно, и я перестала торопиться. Так прошла первая неделя, и мы больше не притрагивались к нему.

А потом, на рассвете, я вновь проснулась — точнее, меня кто-то разбудил. В тишине комнаты прозвучали слова: «Достигни Шивы!» Голос был не совсем женский и не совсем мужской — он будто принадлежал самому пространству. Я открыла глаза, чувствуя, как внутри поднимается волна понимания: кто-то настойчиво подталкивал меня к тому, чтобы завершить Шивалингама. Но я всё равно не приступила к работе.

Спустя ещё неделю я вышла на улицу, посмотрела на недостроенный Шивалингама, вздрогнула от холода и вернулась домой со словами:

— Неа! Там слишком холодно. Продолжим делать, когда будет потеплее.

Кто-то торопился, подавал мне знаки, но я их игнорировала. И вот, на третью неделю простоя, мне приснился мой покойный дед, отец матери. Во сне я стояла на кухне и, выглядывая в окно, увидела его. Перед домом возвышался огромный недостроенный Шивалингама, а дед, одетый в старую фуфайку, копал рвы вокруг него, стараясь закончить как можно скорее. Он откидывал землю лопатой, время от времени останавливался, вытирал потный лоб рукавом и снова брался за работу. Сердце сжалось от жалости, и я крикнула:

— Дедушка, пошли есть. Хватит уже. Ты так много сделал!

— Надо закончить Шивалингама! — резко ответил он, не поднимая головы, и продолжил копать, будто от этого зависело что-то очень важное.

Проснувшись, я долго лежала, обдумывая этот сон. Он не отпускал, тянул за собой какой-то скрытый смысл, который я пока не могла ухватить. Наконец, села на кровати и сказала:

— Мамк, мне снился дед.

— Какой? — спросила она, поправляя платок.

— Твой отец. Он делал Шивалингам и торопился его завершить. Это меня напрягает.

— Тогда, значит, и нам надо поторопиться, — спокойно сказала она. — Никто не знает, для чего мы вообще его делаем. Но если дед торопится, значит, есть причина.

В тот же день мы снова взялись за дело и придали Шивалингаму основную форму. И вновь стали ждать, когда он подсохнет. Когда глина окончательно затвердела, мы нанесли на него несколько слоёв гидроизоляции, чтобы защитить от дождей и ветра. Потом покрасили в чёрный цвет, начертили три белые линии и поставили красную точку, символизирующую третий глаз.

Теперь у нас был свой Кайлас, был Шива в форме Шивалингама — и были мы: я, Мангалика — моя мать, Ник — старший сын, Есита — средняя дочь и младшая Модага. И в этом маленьком, но таком важном ритуале чувствовалось что-то большее, чем просто строительство: будто мы не просто лепили камень из глины, а создавали пространство, где можно было слышать тихий голос мира.

Глава 8. Рогатый

Шли обычные дни в Лооустоуне — размеренные, наполненные привычными делами, в которых постепенно растворялась городская суета. Шивалингам был полностью завершён: он стоял на отведённом ему месте — чёрный, строгий, с тремя белыми полосами и красной точкой, словно застывшим взглядом, устремлённым в бесконечность. Вечерами я, как обычно, преподавала в интернете китайскую медицину, а потом медитировала вместе с группой. И в одной из таких медитаций случилось нечто странное: я смотрела на свой Шивалингам, и вдруг красная точка на нём вспыхнула, загорелась изнутри, и из неё вырвался тонкий красный луч. Третий глаз Шивы открылся.

Я вышла из медитации и, стараясь скрыть лёгкое замешательство за улыбкой, сказала группе:

— Странно... Сейчас в медитации я видела, что глаз Шивы на моём Шивалингаме открылся. Шива что, испепелить меня хочет? — и рассмеялась, будто это была просто забавная фантазия. Но в груди всё равно шевельнулось что-то тревожное — будто мир на секунду приоткрыл завесу, показав то, что обычно скрыто.

На следующий день к нашему двору подъехала машина, из которой вышли двое мужчин. Я сидела рядом с Шивалингамом и тихо пела мантры, чувствуя, как ритм слов выравнивает дыхание и успокаивает мысли. Один из мужчин, остановив машину, вышел и обратился ко мне:

— Девушка, здравствуйте! Вам рабочие не нужны? Мы люди верующие, ребята есть у нас без работы, мы могли бы вам помочь.

Я тут же встала и подошла к забору со стороны двора, чувствуя, что помощь нам действительно нужна.

— Да, нам нужна помощь. Мы хотим дом обшить снизу. Сможете?

— Конечно, сможем. Мы люди верующие. Вот одной женщине помогли за очень дёшево: она одна, и ребята всё ей сделали в полцены. А вы, случаем, не знаете, здесь дом снять или купить можно поблизости? — он немного замялся, будто подбирая слова, и добавил: — Я вообще бывший наркоман, мой Бог спас меня. Вам тоже рекомендую примкнуть к нему: он единственный и самый настоящий Бог.

Когда он наконец сделал паузу, дав мне возможность вставить хоть слово, я молча показала рукой на Шивалингам и спокойно сказала:

— Мой Бог — Шива.

— Я не знаю никаких Шив. Знаю, что Бог только один. Он пролил за меня свою кровь. А твой Шив что сделал для тебя? — в его голосе звучала не столько злость, сколько отчаянная потребность убедить, доказать, что его путь — единственно верный.

В этот момент я поняла, что ответ ему не нужен: это был не разговор, а исповедь, облечённая в форму спора. Участвовать в религиозном поединке мне не хотелось, поэтому я просто перевела тему на то, что было действительно важно:

— Вы сможете завтра приехать? Мы обсудим, что нам надо, а вы просчитаете смету.

— Договорились. Завтра я подъеду к вам с человеком, — кивнул он, и в этом кивке было что-то упрямое, будто он всё ещё надеялся позже вернуться к прерванному разговору.

На следующий день он, как и обещал, приехал — на этот раз с электриком. Мы прошли на кухню, сели за круглый стол, и сначала перемолвились парой слов о ремонте: обсудили доски, утеплитель, примерные объёмы работ. Но вскоре разговор снова свернул на религию.

— Ну вот после смерти ты куда попадёшь? — спросил он, глядя на меня пристально, будто от моего ответа зависело что-то очень важное.

— Домой, — ответила я, не раздумывая.

— Куда? Куда это домой? В рай или в ад? Вот мой Бог уже пролил кровь за меня. Я попаду в рай. Что бы я тут ни делал, мой Бог искупил за меня все грехи и излил свою кровь, — он говорил быстро, горячо, будто боялся, что если остановится хоть на секунду, то потеряет эту уверенность.

— Я пойду домой. Мне надо только туда. В мир звука и света. Там, где моя божественная форма, — сказала я, стараясь говорить мягко, без вызова.

Руслан крутил головой, рассматривая образы Кришны, Шивы, Ганеши, Махакалы, которые смотрели на нас со стен, будто молчаливые свидетели этого разговора.

— На картинках кто это? Твои боги? — спросил он, кивая на картины с Кришной.

— Это Кришна и его жена Радха.

— Так он нечистый. Твой бог нечестивый. Он спутан с женщиной, — усмехнулся он, а второй парень, электрик, всё это время сидел молча, будто стараясь стать незаметным.

— Радха — богиня. А ты, Руслан, делаешь быстрые выводы. Ты веришь в то, во что веришь. Позволяй и другим верить в то, во что верят они, — сказала я спокойно, но в голосе уже слышалась усталость от этого бесконечного спора.

— Ну просто мой Бог — он бог ревнивый. И он сказал мне, что он истина и только он. Он не разрешает верить в других богов и за это может покарать, — продолжал Руслан, будто не слыша моих слов.

Я много раз пыталась закрыть этот диалог, но он всё продолжал и продолжал спрашивать, твердить свои истины, словно пытаясь пробить невидимую стену между нашими мирами.

— Мой бог помог мне избавиться от наркотиков, теперь я помогаю другим справиться и наладить жизнь. Всё, что у меня есть, — это всё благодаря ему. Ты не тем путём идёшь. Нет твоего бога, — говорил он с такой уверенностью, что становилось почти больно: он не видел в моих убеждениях ничего, кроме заблуждения.

— Пусть будет каждому по его вере. Оставайся со своими убеждениями, я останусь со своими, — ответила я, чувствуя, как внутри поднимается тихая волна сопротивления — не к нему, а к самой необходимости оправдываться за то, во что я верю.

Тут у Мангалики лопнуло терпение. Она сидела в стороне, слушала этот разговор, и теперь её голос прозвучал твёрдо, без злобы, но с такой силой, что даже Руслан на секунду замолчал:

— Я со стороны слушала ваш разговор, и одно стало очевидно: ты неспокоен и не блещешь теплом. Ты, слушая её ответы, не принимаешь её свободы верить в того бога, которого она выбрала себе сама. Ты с мусульманами попробуй так говорить? То, что она терпимо выслушала тебя, — уже это достойно уважения, а не того, чтобы просто навязывать свою религию! — хмыкнула она, и в её словах было столько спокойной силы, что комната будто стала чуть просторнее.

Тогда тот парень, что был электриком, наконец заговорил:

— Руслан, я читал «Бхагавад-гиту», это писания Кришны, и там много полезного. Оставь эту тему. Каждый выбирает сам, какой религии следовать.

— Хорошо, — нехотя согласился Руслан и, немного помолчав, обратился ко мне с новым предложением, на первый взгляд безобидным: — Можно я благословлю вас?

— Да, можно, — ответила я. В тот момент я не видела в этом ничего опасного, не чувствовала угрозы — просто жест доброй воли, пусть и окрашенный чужими убеждениями.

В то же мгновение он произнёс слова благословения и ушёл. Когда он благословил нас, я решила посмотреть на их Бога своим третьим глазом — ведь он был одним из моих учителей, и мы с ним были знакомы. Я смогу узнать своего учителя.

Мой третий глаз открылся, и я присмотрелась. И вместо Бога увидела рогатого. Его образ был словно надет, как маскарадный костюм: в некоторых местах ткань «костюма» истончалась, и сквозь неё проглядывал истинный облик — тёмный, рогатый, чужой. Рогатый понял, что

я увидела его истинный облик. Мне стало ясно: увиденное мною компрометирует его. Он не хотел, чтобы я кому-то рассказала о его истинной форме: поверив моим словам, кто-то мог бы усомниться в нём, а люди и их вера в него были ему очень нужны. На кону стояла его истина, и я была прямой угрозой, возможной разоблачительницей.

Теперь нас ждала череда событий. Он придёт к нам в дом — а разрешение мы ему дали, когда позволили благословить нас. Благословение — это вход. Разрешение открыть двери в ваш дом, в вашу жизнь. И Рогатый его получил.

Вечером на занятиях в школе Кимнаро я рассказала о случившемся ученикам. Их лица становились серьёзными, кто-то кивал, будто узнавая в моём рассказе что-то давно знакомое, а кто-то просто слушал, стараясь не пропустить ни слова.

Занятия закончились, домашние готовились ко сну. Но ближе к полуночи в доме начали происходить странные вещи. То стул вдруг падал без видимой причины, то подушка с дивана медленно сползала и падала на пол. Дверцы кухонной мебели открывались сами собой, медленно, со скрипом, будто кто-то осторожно их трогал. Мы поначалу не обращали особого внимания: каждый занимался своим делом, списывая всё на усталость, на старые петли, на случайность. Но потом раздался резкий грохот: кто-то невидимый ударил по тарелкам, стоявшим на полке, и они, звеня, разбивались прямо на месте.

В тот момент я поняла: к нам пришёл Рогатый.

Я зашла в комнату матери и детей и позвала их на кухню. Собравшись в одной комнате, мы запели мантры — Шиве, Кришне, Махакале. Их голоса, пусть и дрожащие от страха, сплетались с моим, создавая невидимую защиту, тонкую стену из звука и веры.

Дети смогли увидеть его: стоящего в коридоре, тёмного, рогатого, с тяжёлой, давящей аурой. Они испугались — и это было естественно. Но даже этот страх я постаралась превратить в урок.

— Дети, чего вы боитесь? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, уверенно. — Если стулья начнут двигаться, садитесь на них и катайтесь! — я улыбнулась, пытаюсь развеять ужас смехом.

Есита рассмеялась сквозь слёзы, и этот смех был как глоток свежего воздуха.

— В кого вы верите? В него? Потому что он пугает вас? Нет его! Есть только Кришна, Шива, Вишну... — продолжала я, повторяя эти имена, как щит, как заклинание, способное удержать тьму на расстоянии.

Глава 9. Безумный дед

Утром следующего дня мы с Мангаликой решили поехать на Цаник — в те самые места, где вдоль речных берегов, пробиваясь сквозь прошлогоднюю листву, только-только проклевывалась черемша. Мне очень хотелось её найти. Для меня это была не просто трава, а живая память о старых рецептах, о тепле дома, о силе, которую можно собрать в горсть зелёных стеблей. Я знала: настоящую пользу несёт только та черемша, что едва показалась из земли — тонкие зелёные побеги, ещё хрупкие, но уже полные терпкого, острого сока. Именно в них — вся кладезь полезных свойств. На рынке продавали совсем другую: листья уже вытягивались на десять, а то и пятнадцать сантиметров, становились грубее, теряли ту самую первозданную остроту. В них не было ни той терпкости, ни той силы, что живёт в первых ростках. Поэтому для меня было важно не купить, а именно собрать — своими руками, в нужном месте, в нужный час.

На поиски черемши в тот день мы отправились на Цаник, в сторону центрального Сочи. Утро выдалось прохладным, воздух был прозрачным, звенящим, будто вымытым ночным дождём. Я вышла из дома к машине и вдруг заметила: переднее колесо спущено. Оно не просто потеряло воздух — оно словно устало держаться, опустилось, прижалось к асфальту, будто намекая: «Не торопись». Это был первый неблагоприятный знак, тихий шёпот мира, предупреждавший, что впереди нас ждут какие-то непредвиденные обстоятельства.

Мангалика, увидев это, остановилась рядом, нахмурилась и тихо сказала:

— У меня какое-то плохое чувство... Может, не поедem на Цаник сегодня?

— Я тоже что-то ощущаю, — призналась я, чувствуя, как внутри шевелится тревога, похожая на холодную тень. — Но я даю своё согласие столкнуться с этими непредвиденными обстоятельствами. Пусть будет то, что будет.

Я завела автомобиль. Со спущенным колесом мы медленно, осторожно докатились до ближайшего соседского дома на нижней улице и обратились к соседу за помощью. Он молча взял насос, накачал колесо — не спеша, будто тоже чувствовал, что торопиться не стоит. Его движения были размеренными, почти ритуальными. Когда шина снова стала круглой и упругой, он посмотрел на нас и тихо сказал:

— Аккуратнее там. Дорога нынче злая.

Мы поблагодарили его и поехали дальше, к СТО, чтобы всё сделать как надо. После ремонта шины мы наконец покатали в сторону Цаника.

Дорога петляла серпантином, цепляясь за склоны, и я всё время размышляла внутри себя, обращаясь к Кришне: «Кришна, я знаю, что-то сегодня должно произойти. Я не знаю, что именно, но ощущаю присутствие тревоги — будто воздух стал тяжелее, а тишина — настороженнее. Что-то вот-вот случится. Кришна, я готова столкнуться со всем, что уготовано мне. Я буду тщательно проживать то, что будет происходить со мной, не отворачиваясь, не прячась».

Путь занимал минут сорок. Когда мы начали спуск на Цаник, солнце уже поднялось выше, но в ущельях ещё держалась утренняя прохлада, оседая на камнях и траве мелкой, почти невидимой росой. Мы доехали до первой смотровой площадки и аккуратно припарковали машину в небольшом закутке, где она не мешала проезду. Вокруг шумел лес, ветер перебирал ветки, и казалось, что сам воздух здесь был другим — более густым, более древним.

В метрах ста от нас пожилой мужчина сел в машину марки «Нива» и, тронувшись, начал подниматься в нашу сторону. Я вышла ему навстречу, подняв руку, чтобы остановить его, и хотела просто спросить: «Мешаем ли мы вам? Могут ли я оставить тут машину?» — вежливо, спокойно, чтобы избежать недоразумений.

Машина с пожилым человеком приблизилась ко мне. Но он, не обращая внимания на то, что я машу ему, будто не видя меня вовсе, припарковался впитык сзади к моей машине,

полностью перекрыв нам выезд. Дверь распахнулась, и из салона вышел скрюченный, безумный и беззубый дед — с перекошенным лицом, будто сошедшим с кадра из фильма ужасов. Его фигура казалась неестественно изогнутой, будто годы и злость скрутили его изнутри. Он начал орать, голос его был хриплым, надрывным, полным какой-то горькой, ядовитой силы:

— Вот теперь вы стойте здесь сколько хотите! Ха-ха! Ставьте тут машины! Я пошёл домой! — и, уходя, демонстративно харкнул на землю.

Я вновь обратилась к нему, стараясь сохранить голос ровным, хотя внутри всё дрожало от несправедливости:

— Я вышла к вам навстречу, махнула рукой, хотела остановить вас, спросить, не мешаю ли я вам! — в моём голосе звучало не столько возмущение, сколько удивление — как можно не заметить протянутую руку, не услышать тихий вопрос?

Он остановился, резко развернулся и снова пошёл в нашу сторону — теперь уже нарочно, будто наслаждаясь тем, как мы сжимаемся от его криков. Он корчился, дёргался, выкрикивал гадости, сыпал оскорблениями в мой адрес и в адрес Мангалики. Слова его были острыми, но не они ранили меня сильнее всего. Меня задевало другое: на простую вежливость, на попытку договориться, на человеческое «можно ли?», он отвечал такой грубой, неприкрытой злобой, будто сама доброта была для него оскорблением.

С глаз у меня полились слёзы — не от страха, а от этой несправедливости, от того, как легко можно растоптать простое человеческое тепло. И тогда, всей своей душой, я крикнула ему, и голос мой разнёсся по ущелью, отражаясь от скал, становясь громче, чем я сама:

— Я проклинаю тебя! Чтобы твои колени отказали, чтобы ни один врач не смог вылечить тебя! За то, что ты оскорбил женщин, за это я проклинаю тебя!

В этот момент из дома вышла его жена. Она подошла к нам, качая головой, и заговорила спокойно, будто пыталась погасить разгоревшийся огонь:

— Девушка, ну что вы кричите? Зачем вы тут оставляете свои машины? Мы тут живём, а вы приезжаете и ставите машины...

— Я остановила машину в лесу! Далеко от вашего дома! Я остановила твоего мужа, чтобы спросить, могу ли я оставить машину тут. Я была вежлива. И что? Что я получила на вежливость? Что? — голос мой дрожал, но я не опускала глаз.

Она продолжала, будто не слыша моих слов:

— Девушка, ну что вы кричите? Успокойтесь!

— Нет! Пусть все ваши соседи знают о том, что случилось рядом с вашим домом. Пусть все слышат, что на вежливость сегодня две женщины получили столько оскорблений! — я кричала на весь Цаник, и в этом крике была не только боль, но и потребность быть услышанной, быть признанной в своём праве на уважение.

Дед не уговорился. Он завёл свою машину и начал медленно, нарочно надвигаться на наш автомобиль, грозя столкнуть его с обрыва, перед которым мы остановились. Его «Нива» ползла вперёд, бампер к бамперу, и этот медленный, расчётливый напор был страшнее любого крика.

— Я скину вас сейчас в обрыв! — орал он, и в его глазах горело что-то дикое, неукротимое.

Его жена подбежала и встала между машинами, пытаясь остановить этот безумие, но дед продолжал давить, сдавливая между бамперами её ноги. В этот момент, понимая, что ситуация выходит из-под контроля, я достала телефон и позвонила в полицию. Одновременно с этим я шептала про себя, просила помощи у Шивы и Кришны, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Дед услышал, как я говорю с диспетчером, как мне отвечают, что патруль срочно выезжает, и вдруг будто сдулся. Он быстро отошёл, спрятался, а потом и вовсе исчез. Осталась рядом с нами только его жена.

Уже через семь-десять минут приехали ППС и ГАИ. Дед вышел из кустов, и лицо его вмиг стало другим — мягким, почти ангельским, будто он и не кричал минуту назад, не грозил сбросить нас с обрыва.

— Красавица! Ну что ты наговариваешь на дедушку? — обратился он ко мне, растягивая губы в улыбке, которая не касалась глаз.

Я глянула на него холодно, без страха, и напредила:

— Когда я стала красавицей у тебя? Машина твоя почему мою подпёрла?

Дед уже не мог держать своего демона внутри. Он снова вспыхнул, начал кричать, сыпать матом, уверять, что это я его оскорбляла, что я прикинулась жертвой. Внутри меня вспыхнуло пламя возмущения, и я крикнула:

— Поклянись, что я обзывала тебя! Поклянись!

Полицейские подбежали ко мне, стараясь успокоить, но я стояла твёрдо. Дед, услышав мои слова, вдруг испугался — будто понял, что зашёл слишком далеко, что теперь придётся отвечать не только словами. Он спрятался за своей машиной, сжавшись, словно пытаясь стать меньше.

Тут же подошла его жена и, глядя мне прямо в глаза, спросила:

— Наказала нас? Рада, что наказала нас?

Я ответила ей спокойно, без злорадства:

— А чем вы тут занимаетесь? Вы разве не наказывали нас?

Она моментально отошла от меня, будто обожглась о мои слова.

Полицейские слушали выкрики деда, его сбивчивые оправдания, его громкие заявления:

— Я инвалид! Я десантник! У меня восемьсот пятьдесят прыжков! Я воевал в Афганистане!

Но в их голосах не было сочувствия, только строгий, спокойный вопрос:

— И что? Кто дал тебе право вести себя подобным образом? Кто?

Дед утих. Мою машину аккуратно отогнали, освободив выезд, и нас отпустили. Проезжая мимо деда, его жены и полицейских, я смотрела на них, как они остаются в этой истории — каждый со своим грузом, со своей правдой, со своей болью. Наша история закончилась, а их ещё продолжалась.

Я ехала обратно домой, чувствуя себя опустошённой, будто из меня вынули что-то важное, но одновременно и очищенной — как после сильного ветра, который срывает сухие листья, обнажая живое дерево. Ночью я обратилась к Шиве, и голос мой был тихим, но твёрдым:

— Успевай помочь мне. Не опоздай, как вышло с Сати!

Я не желала им зла и не сожалела о своём проклятии старого безумного деда. Наоборот, я начинала осознавать, что такое проклятие и благословение — не просто слова, а силы, которые можно изучать, понимать, проживать. И когда дед, в ответ на моё проклятие, выкрикнул:

— Я проклинаяю тебя четыре раза! Будь проклята четыре раза!

— он сам того не понял, как благословил меня. В его словах прозвучало ограничение: меня можно проклясть только четыре раза. И эти четыре раза уже есть! Его проклятие стало моим благословением — быть проклятой четыре раза и не более.

Сейчас мне становилось понятным, почему ранее в медитации я видела, как третий глаз Шивы открылся на моём Шивалинге. Шива уже тогда знал об этой опасности. Дед вёл себя так не просто. Рогатый использовал его, надел на него свою ярость, как маскарадный костюм, и заставил стать орудием. Но теперь я видела этот костюм насквозь — и знала, что следующая битва будет не на дороге, а в тишине моего двора, у чёрного камня с тремя белыми полосами и красной точкой, которая умеет загораться.

Глава 10. Страх природы происходящего

Воздух в Лооустоуне был настолько чистым, что я высыпалась так, как не высыпалась никогда прежде. Казалось, сама тишина здешнего утра проникала под кожу, смывая городскую усталость. Раннее пробуждение происходило само собой — без будильников и тревожных мыслей, будто тело наконец-то вспомнило, как нужно жить в такт с солнцем. День словно стал больше: в нём хватало места и на дела в огороде, и на хлопоты по дому, и на тихие минуты наблюдения за миром. И, конечно, мы продолжали следить за Громом и его хозяином. Их взаимоотношения были столь любопытными, что невольно притягивали взгляд: любовь друг к другу была так очевидна, так искренна, что смотреть на их чувства было почти как наблюдать за чем-то священным — простым, но невероятно красивым.

Однажды Лео оставил на ночь коня на поле. Ночь выдалась сырой, туманной, пропитанной холодной влагой, которая оседала на траву тяжёлыми каплями. Гром промок, замёрз, и когда утром они встретились, в этом мгновении было столько невысказанного, столько тихой боли и прощения, что у меня защемило сердце. Лео шёл к Грому, а конь, склонив обиженно голову, двигался навстречу своему хозяину. Они остановились друг перед другом, упёрлись лбами — и зависли в этом мгновении, будто вели безмолвный разговор, понятный только им двоим. В этом соприкосновении лбов было больше слов, чем в любых признаниях. Потом Лео повёл коня в стойло. Они шли медленно, поднимаясь в гору к сараю, и Гром шёл рядом, не на привязи, словно верный сторожевой пёс, будто сам понимал: сейчас главное — быть рядом.

Этот конь притягивал к себе внимание. Возможно, я бы никогда не заметила его хозяина, если бы не Гром: именно этот красивый вороной конь привлёк меня своей грацией, своей породой и гордым нравом. В каждом его движении чувствовалась сила, сдержанная и благородная, как у древнего воина, привыкшего к долгим переходам и ветрам. Иногда, в спешке, боясь опоздать на работу, Лео не успевал выпустить Грома на пастбище. Тогда я предложила свою помощь. Мне хотелось помочь ему с конём, потому что мне нравился этот вороной красавец — его блестящие бока, отливающие синевой, его умные, внимательные глаза, в которых читалась целая история. Лео дал своё согласие, но где-то глубоко, наверное, понимал, что я с ним всё равно не справлюсь: Гром был не тем конём, которого можно было просто взять и повести, как послушного щенка.

Утром я металась от окна к окну: коня на привычном месте не было.

— Ага. Значит, мне надо идти выпускать его, — пробормотала я себе под нос, стараясь вложить в эти слова уверенность, которой на самом деле не чувствовала.

Я вышла из дома, стараясь держаться прямо и уверенно. В руке была морковь — как учил меня Лео, говоря, что Гром очень любит морковь, а от яблок его пучит. «Не хозяина пучит, а коня», — с улыбкой уточнял он, и в этом замечании было столько будничной заботы, что оно почему-то врезалось в память.

Чем ближе я подходила к конюшне, тем сильнее сжималось сердце, а ноги становились будто чужими — ватными, непослушными. Мои домочадцы наблюдали из дома: окна были распахнуты, головы высунулись наружу, и в их взглядах читалось и восхищение, и тревога, и даже какой-то азарт.

— Тебе не страшно?! — крикнула Мангалика, приподнявшись на цыпочки, будто хотела разглядеть каждую деталь моего лица.

— Нет! — ответила я твёрдо, хотя внутри всё дрожало. И всё же я продолжала идти уверенным шагом к сараю — шагом, который должен был убедить не только их, но и меня саму.

Позже я узнала, что мои сфотографировали меня из-за забора нашего двора: на снимке я шла вперёд, прямая, с высоко поднятой головой, а в руке сжимала морковь, как талисман.

На фоне старого сарая, под серым утренним небом, это выглядело почти героически — и в то же время до смешного трогательно.

Дверь конюшни скрипнула, открываясь, и на меня вышел высокий вороной конь. Он был огромным, мощным, и в его силуэте было что-то первобытное, древнее — будто из легенд, где кони были не просто животными, а духами ветра. Я попятилась назад, но постаралась говорить важным, почти уверенным голосом:

— Гром! Гром! — слова прозвучали чуть громче, чем нужно, будто я пыталась заглушить собственный страх.

Конь смотрел на меня с каким-то брезгливым любопытством, двигаясь опасливо, будто тоже не понимал, что делать с этой странной женщиной, которая пришла к нему с морковкой. Мы боялись друг друга — в этом не было ничего постыдного, просто два существа, встретившиеся на границе своих миров.

Я поманила его морковкой. Каждый его шаг в мою сторону, каждая тянущаяся к лакомству голова заставляли мои ноги вибрировать от напряжения, будто через них пропускali слабый ток. Наконец он дотянулся губами до морковки и откусил её прямо с моих рук. В этот момент я подошла к нему с карабином и пристегнула к верёвке, чтобы вести на поле. Отняв у меня остаток морковки, Гром будто признал во мне союзника — или, по крайней мере, того, кто знает правила этой игры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.